

МУЖЕСТВО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

— Ваш первый совет молодому писателю?

— Не суетись, живи по совести, в ладу с самим собой. И делай главное дело своей жизни, для которого тебе дан талант, служи делу, а не престижным мелочам.

— И в своих произведениях именно за нарушение этого правила Вы строго судите своих героев...

— Я не столько сужу, сколько стараюсь понять и представить на суд читателей. Ведь граница между добром и злом проходит не где-то по горам и долам и не между кем-то и кем-то, она проходит также в каждом из нас. Не было еще такого писателя и нет, который пороки людские изучал бы на посторонних, а все идеальное открывал лишь в себе самом. И невозможно призывать к голосу совести, если в тебе совесть не болит. Только истинно честный и мудрый человек, знавший стыд, мог сказать: всю жизнь я по капле выжимал из себя раба. Судя кого-либо, мы в нем и себя судим. Потому, зная, как это трудно, говорим: надо иметь мужество в любых обстоятельствах быть и оставаться человеком. Надо не бояться достоинства.

— Но ведь обстоятельства могут сложиться разны, и в зависимости от этого человек поступает так или иначе...

— А кто же изменит обстоятельства? Сделать это за нас некому. Только сами люди. Только хорошо смотреть в пирке, как жонглер одной рукой крутит в одну сторону, другой — в другую. А в жизни это, по-моему, довольно постыдное зрелище, когда человек и так и сяк крутится в зависимости от обстоятельств.

— В повести «Меньший среди братьев» Ваш герой жалу-

Григорий БАКЛАНОВ прошел войну с оружием в руках, как многие из наших современников. На одной из давних фотографий он юный и стройный с неположенным кинжалом на боку. Прошло много лет, лейтенант-артиллерист превратился в известного писателя. Он помнит и пишет о войне, хотя она ушла далеко и уже даже не снится, ему снятся «профессиональные» сны — сюжеты и замыслы произведений.

Наш корреспондент В. Липатов ведет беседу с писателем.

ется: я устал пригибаться душой...

— Устал — найди в себе силу разогнуться. Но так можно сказать человеку сильному, а Илья Константинович, к сожалению, мягок.

Однако мне он интересен, потому что это неоднозначный характер. Через такие характеры видны многие обстоятельства, сформировавшие их. И ни на одно из этих обстоятельств сам Илья Константинович не повлиял. А ведь ему от природы дано не так мало, он и умом одарен, и жить хочет по совести, и раскаяние мучит его, но как до дела, так — «не сейчас»...

— Но ведь он не на войне, не в экстремальных условиях, когда сразу же, не раздумывая, надо принимать решение.

— Тем более. На войне, в экстремальных условиях, как Вы говорите, действительно мгновение спрессовано: жизнь — смерть. Но, знаете, многие не теряли человеческих качеств, сущность выражал поступок, а не разговоры. В мирное же время есть такая иллюзия, что, мол, ошибся — исправлюсь, жизнь долгая, многое успеется... А человеческой жизни едва хватает для добрых дел, это, может, единственное, что нельзя откладывать на потом. Вот

и Леля, которая любит Илью Константиновича, но которой

он, тоже любя ее, портит жизнь, говорит ему: «Ты мягкий, добрый человек, но почему тебя не хватает на добрые дела?»

— Вы много написали и пишете о войне. Как долго эта тема будет жить в Ваших произведениях?

— Пока живу на свете. Книг о минувшей войне написано много, а рассказано мало. Да и как можно забыть о том, что пережили люди на той войне, если угроза новой войны возросла во сто крат. Раньше по крайней мере знали: могу погибнуть я, но останутся, быть может, мои близкие, народ мой, человечество, мир. Впервые люди живут с сознанием, что вместе со мной исчезнет мир. Никогда еще человечество так не жило.

— Ваш самый счастливый день на войне?

— Конеп войны. Правда, он оказался слишком будничным по сравнению с тем, как ждал его, что испытали на пути к нему.

— Какой наградой Вы, солдат, более всего гордитесь?

— В повести «Навеки — девятинадцатилетние» есть сцена, как под Запорожем во время немецкой контратаки, когда пошли танки, один офицер-артиллерист растерялся, не мог открыть огонь. Вид чужой растерянности в бою не всегда

вызывает панику, иных он побуждает к решительным действиям, и Третьяков, у которого в это время перебило связь, выхватил трубку и повел огонь его батареей. Технически тут нет ничего сложного: есть две точки на карте — огневая позиция батареи и наблюдательный пункт, — а третья точка — цель перед глазами: танки. Но что просто на полигоне — не так просто в бою. И оказавшийся рядом пехотный сержант крикнул Третьякову: «Молодец, лейтенант!» Его тут же убило разорвавшимся снарядом с танка, а Третьякова контузило. Все, что рассказано здесь про Третьякова, было со мной, под Запорожем, в том бою, когда шли на нас танки, и взгляд благодарный этого сержанта за минуту до смерти я, наверное, никогда не забуду.

— А какой похвалой за свои литературные произведения Вы дорожите более всего?

— Когда печаталась при Александре Трифоновиче Твардовском в «Новом мире» моя повесть «Пядь земли», пришел я, помню, в отдел прозы, и вдруг входит кто-то из работников редакции и говорит: идите со мной, на Вас корректоры хотят посмотреть. Там была такая большая общая комната, холл, что ли, ее называть не знаю. Я вышел. Стоят две женщины. Мне было неловко, но — что скрывать — приятно.

— Что делает писателя писателем?

— В конечном счете с этим, наверное, рождаются на свет, хотя осознают свое при-

звание много позже. Но чтобы писателю состояться, нужно ему, кроме таланта, воля, огромная воля, трудолюбие, а на определенном этапе — подвижничество. Все мы, разумеется, хорошие, пока — сами с собой. Но прожить хорошо, по совести человеку среди людей — не за счет других, не тесня, не подавляя и не ущемляя никого на пользу себе, — это гораздо трудней, чем строить прекрасные планы в одиночестве. Вот на это и употребляли свой талант и великие, и малые писатели: на осмысление человека, через него — мира, как в мире жить человеку среди людей, как жить народам с народами, как создать гармонию человеческих отношений, без которой погибнет мир. И чем более зрелый писатель, тем меньше в его работе значат такие «двигатели», как, например, честолюбие. Размеры честолюбия чаще всего обратно пропорциональны дарованию. Люди с немереным честолюбием, я уверен, смутно ощущают свою ущербность, хотя и себе ни за что не признаются в этом.

— Что, по-Вашему, лучше всего проверяет молодого писателя?

— Первый успех. Для иных он губителен, гораздо губительней, чем неудача. Слабых он делает иждивенцами, и они всю жизнь пожинают лавры, страдают, что уже нечего пожинать. Истинный писатель проходит испытание успехом без потерь. Ему просто некогда: чем больше он отдаст, тем больше в нем прибывает. Писатель прежде всего утверждает жизнь, нравствен-

ные ценности, а посредственность утверждает себя. Иногда этому подвержены даже одаренные люди. В искусстве это всегда видно, и мне, например, это отвратительно.

— Какая критика Вам помогает? Какая вредит?

— Помогает, видимо, та, которая дает толчок мысли, в которой есть собственный интересный взгляд на событие, на мир; прочтешь статью, и хочется поговорить с автором с той степенью откровенности, с которой говорят между собой однополчане, вообще люди, вместе пережившие что-то. А вот письма читателей... Есть, конечно, паивные, смешные, всякие, но есть поразительные по глубине мысли, по широте взгляда. И всегда это — неравнодушие, всегда — о жизни, про свою боль. Критик же иной раз чувствует себя в роли врача, пришедшего по вызову: поставил диагноз, выписал рецепт, помыл руки и отправился к другому пациенту ставить диагноз. Словно сам он никакими такими болезнями не болен, словно все это про кого-то, но не про него.

— Что Вы особенно цените в литературном произведении?

— Естественность. Простоту. Когда о самом сложном в жизни, о человеке рассказано просто. И совершенно не переносу многозначительности, позы: за ними — фальшь и пустота.

— Главное качество писателя?

— Способность понимать боль другого. Не первый скажу вслед за Герценом: мы не врачи, мы — боль. И не надо впадать в иллюзию, дескать, искусство способно излечивать. Оно будит совесть, заражает страстью, способно подать пример, но излечить себя люди должны сами.